Пузатый мужчина сидел на краю кровати, до пола свесив толстые ноги, и с любовью поглаживал девушку по плечу. Она лежала подле него на боку, взявшись своими горячими лапками за его детородный орган и... нет, тут уж не с любовью, а с обожанием, слепым и безумным обожанием, до урчания облизывала его. Сбоку, снизу... Ей хотелось его настолько, что она даже скребла по простыне ногами, когда он останавливал её - шёл второй день его воздержания, потому что... потому что скоро должен быть настать назначенный час, и он хотел быть готов к нему. Чтобы яйца его были до распирающей боли полны, и он мог утопить её в своём семени, ежели так будет угодно. Но, проклятье!..

- Бесово семя... Ты такая милашка! Ну вот как тебе можно отказать? Хорошо, разрешаю!

Когда она подползла поближе к нему, он сам поднял её за волосы у себя над коленями и, приставив эрегированную палку к её блестящим слюной губам, осторожно надавил на неё сверху, погружая член в рот. И без верхних резцов на самом деле было проще, даже ей самой. Решало бы это только проблему с дыханием... Но к счастью, в этот раз он не собирался пользоваться её горлом. Он вообще планировал довериться ей, и, совершив всего несколько движений её головой, до того самого утробного, давящегося звука, лишь чтобы слегка помучить свою жертву, полностью убрал с неё руку и позволил действовать самой.

Выбором её стало полностью вытащить его изо рта и присосаться губами только к самой его макушке, а фрикции совершать уже свободной рукой. В горло - оно неинтересно. Это неприятно, это сложно, а когда он всё-таки кончит - она почти ничего и не почувствует ни на языке, ни на лице... Так ей было гораздо приятнее.

Тем временем он продолжал её гладить, её плечо, вздрагивающее от той грязной внутренней дрожи, охватывающей её беспокойное тело, и ниже, до её груди. Такой же маленькой, но плотной внутри. И сжал её, выдавливая из неё пригоршню молока - всего лишь пригоршню густого дамианского молока, стёкшего по его пальцам и вниз по её коже, чем вызвал милый кряхтящий звук. Ей это нравилось, да. Ей нравилось, когда играли с её грудью. Большие тёмно-синие глаза обратились в его сторону, и в них читалось согласие. Согласие на всё. Круговыми движениями, до тонкого, блестящего слоя размазывая остатки её молока по нежной, бархатистой коже, он коснулся кончиком пальца её розового, с маленькой дырочкой в центре соска - и осторожно, покачивая его, начал погружать внутрь, в её особые, хитро устроенные молочные железы. Сначала одну фалангу. Потом - вторую. Девушка закряхтела, её ноги опять начали скрести по постели - было больно, но ей это тоже нравилось. Так, что она даже придержала его руку - и направила глубже, чтобы он погрузил в неё весь палец. В ней было так липко, так горячо и туго в этих её хитрых внутренних канальцах, а издаваемые звуки - настолько милы, что он ощутил, как словно бы искра ударила в его член, в мгновение усиливая страсть - и семя брызнуло ей в рот, заставляя щёки надуться... перед тем как брызгами вылиться наружу со следующей волной, повисая на её губах тягучими каплями. И снова, покрывая рот уже вторым слоем. Но это было уже неинтересно! Она хотела разнообразия, и потому к четвёртой волне она успела отдёрнуть голову назад, и через левую половину её лица, заставляя зажмурить от повисающих на ресницах соплях, прошла ещё одна густая полоса перламутра.

Закончила. Она закончила! Тяжело проглотив скопленное во рту в несколько глотков, она громко вдохнула и с чувством выполненного долга, с умиротворённой улыбкой на губах, обняла его руку, прижимаясь к ней щекой. Ту самую, что ещё находилась внутри её груди.

А теперь бы спать. Потому что завтра... Уже завтра, наверное, её ждёт тяжёлый день. Она ещё раз открыла тот глаз, что могла, с беспокойство бросая взгляд на своё тело. Ей каждый раз становилось не по себе этого зрелища. Её грудь нисколько не выросла и не округлилась, но она сама поднялась выше над её рёбрами под тяжестью её живота - живота, плавно расширяющийся вниз уже от третьего её ребра сверху. Словно какая-то огромная улитка зацепилась за её грудь, а раковина её была непосредственно животом. Без всяких сомнений и вариантов, она была беременна. И беременна сильно, ведь он был огромен. Она со страхом представляла то, что ждёт её совсем скоро - когда они взвешивали её в последний раз, а они делали это по два раза в день, чтобы удовлетворить своё извращённое любопытство, она набрала двадцать. При её собственных восемнадцати. Плацента, воды, но интересно, сколько их в ней?

Скольких ещё она... Скольких... И до того ей стало от этого обидно, что с глаз опять потекли слёзы - её раса не может иметь детей. Сколько бы их в ней, вроде как, и не росло. Зато ей сразу станет так легко...

Главное, пережить этот день. Если этот человек был ещё как-то сдержан, ласкал её, не давал замёрзнуть, проводил с ней много времени за всяким и разным, то вот второй был больше склонен к перепадам настроения и более явно проявлял свои садистсткие наклонности, а также стремился... "очеловечить" её. Вчера, брав её сзади (потому что они с тех самых пор ни на секунду не убирали затычку из её матки, а не используя её длины влагалища едва ли хватало, чтобы вмещать... такое), он неслабо её отметелил, а началось всё с того, что её крылья уж слишком мозолили ему глаза. Также именно он, пусть и по совету, "удалял" ей верхние зубы. У другого всё-таки рука не поднялась, и он эту идея оставил. За что на следующий день всё же получил подарок, завёрнутый в бумажку.

И был этому рад. И первым же делом, когда ещё кровь не перестала течь из её дёсен - трахнул её рот. Потому что оба они были больными ублюдками.

***

Вязкая жижа стекала вниз, по пищеводу, одаряя освежающим ягодным вкусом. Как бы с ней самой здесь ни обходились, но в одном они ей не отказывали – в еде. Кормили её сытно и даже вкусно, потому что – да, это тоже было в их интересе. Чтобы её животик рос хорошо.

А ещё, этим... утром? Сказать было сложно, окно было задёрнуто шторами, а длины цепи не хватало, чтобы подойти к нему и открыть. Подойти... Смешно! В лучшем случае подползти... Да если б и хватало – солнце уже как пятнадцать лет зависло над горизонтом. Но она считала, что утром, раз только что пробудилась. В общем, этим утром мысли её слегка прояснились. Или её организм начал активнее бороться с этой заразой, или они сами уменьшили дозу, перестав вкалывать ей это во сне.

Девушка опустила пустой стакан, по стенкам которого ещё тянулись следы киселя, ставя его на пол рядом с собой. К сожалению, залезть на кровать самостоятельно с таким пузом она не могла, поэтому и сидела сейчас, полностью обнажённая, на голом полу, зажавшись спиной в уголок между кроватью и тумбочкой. Но холодно ей всё равно не было, даже наоборот – в

комнате было слишком душно, и ей, питая кислородом столько лишней крови, не хватало воздуха. Она дышала тяжело, с одышкой, а на лбу выступали капельки пота. Стерев их рукой, она дыхнула в ладонь - и даже не ощутила на ней своего дыхания. Зачем они её мучают снова? Почему не могут открыть окно? Вывести на улицу, позволить ей подышать свежим воздухом. Дать бы каплю свежего воздуха!

Ей казалось, что она задыхается. Попыталась дышать глубже, чаще - но не почувствовала вообще никакой разницы, зато начали шалить нервы. Дышать было так тяжело, что она откровенно поскуливала на каждом вдохе, совсем того не желая.

- Уфпофойфя, Л-лиф, уфпо... койфя... Фсё хоофо... Хоо...

Нервы трепетали. Пот обильнее выступал на её коже, ей было жарко. Всё. Абсолютно всё было как-то не так, как-то плохо и неприятно, неправильно. И когда она ощутила, как тело, от корня языка и ниже, отозвалось неприятной волной тошноты всего лишь от того, что она сглотнула слюну – то поняла. Начинается.

Скуля уже сильно громче от толчка внутри живота, она засучила лежащими на полу ножками. Попыталась их подобрать под себя, или как-то свести их вместе – но не получилось. Живот был слишком большой и тяжёлый, и бурдюком лежал перед ней, мешая сжать колени. Тогда она попробовала откинуться назад. Выдвинуть бёдра чуть вперёд, лечь… И новая волна накрыла её, заставляя биться головой о деревянную планку кровати.

- Пвокляфье… г-где они?! – Она постаралась дотянуться пяткой до цепочки, торчащей из её пухлой плотно сжатой киски, чтобы наступить на неё и… нет! Нет и нет!

У неё были схватки. А пробка внутри неё… нет, если она начнёт уже тужиться – она не устоит, всё же, она даже меньше, чем человеческий ребёнок внутри неё, но…

Суча ногами и пытаясь уползти, отползти… хоть куда-нибудь, хоть под кровать, хоть в щель в стене, хоть в иной план мирозданья, она забарабанила рукой по кровати. Где они?! Что они медлят?! Слишком тихо. Слишком! Тогда она начала бить о комод, разнося звуки уж подальше… И всё же недостаточно громко! Пока не догадалась выдвинуть ящик и что было силы захлопнуть его. Это они уже не могли не услышать. И ещё раз. Ещё! Плача от страха и боли, она колотила ящиком до тех пор, пока в комнату, неторопливой, вальяжной походкой, не вошёл татуированноголовый. Лицо его выражало презренную улыбку.

- Нафяофь! Нафяловь! – Беззубо залепетала дамианка, оставляя ящик в покое. Она подалась бёдрами вперёд, чтобы придавать телу горизонтальное положение – но на пути у неё, прямо у промежности, скрытой под нависающим на неё животом, мужчиной была поставлено босая стопа. Лёгшую прямо на её порочную стигму на животе - он отпихнул её назад, возвращая в максимально сидячее положение.

- И как ощущения? – Спросил он, почёсывая выдающийся вперёд кадык.

Он не дал ей лечь. И сначала девушка даже не поняла, зачем он это сделал. Но лишь сперва.

- Повофи… двугова! – Она упёрлась руками позади себя и, выгибаясь спиной, громко заскулила. – Мне больно!

Она пыталась сказать ему, чтобы он позвал своего друга. Он сильно ждал этого момента и был нетерпелив, он бы не позволил ей сейчас мучиться.

Но снова началось. Опять она, плотно стискивая зубы, залилась в мучительно долгом стоне, стуча по полу кулаком.

- Вся наша жизнь – это бесконечный цикл боли. Ты не знала, что даже наслаждение – это очень слабая боль?

- Позофи!.. И-или я… я бвофу е-ево!

Девушка взяла в руки практически пустой стакан, на дне которого скопился тонкий слой киселя…

- Бросай. Твоё право.

Она замахнулась. Замахнулась – но вместо того, чтобы швырнуть его в дверь, или в того мерзавца перед собой, он выпила эти капли и закатила уже совсем пустой стакан под кровать.

- Хорошая девочка. Зачем наводить беспорядок? Здесь и так хорошо, без всех этих бритвенно острых осколков.

- Дайфе… дайфе я нафну!

Его внимательный взгляд рассматривал корячащуюся у него под ногами дамианку. Грязная, порочная кровь, слуги вероломной королевы суккубов Неллит. Создания хаоса. Ему это нравилось. Нравилось видеть её мучения и ощущать себя вершителем судеб. Настолько, что член в его штанах зашевелился – его привычно обвисшая колбаска сейчас набиралась мощи, туго натягивая штаны под действием её порочной ауры. Тупой импотент. Без всего этого он что, не заводится?

- Что будет, если я тебе не позволю это сделать? Ни сейчас, ни через час… И вообще – не сегодня? Ты умрёшь?

Сжав зубы, девушка напряглась всем телом. Плевать, что он говорит! Он безумец, он будет делать, что ему прикажет его больной мозг, а она не собиралась тут…

И он пнул её под колено, разбивая её концентрацию и путая мысли. Она чисто по инерции, как было задумано на шаг вперёд, втянула в себя побольше воздуха и зашлась в приступе кашля.

- Ну что? Что она расшумелась-то? Поесть не даёт.

В комнату ввалился толстяк. Он вытирал губы полотенцем, только что закончив обильный приём пищи, но быстро его скомкал и выбросил в коридор, когда понял, что началось то самое интересное.

- Она рожать собралась, не дождавшись нас. Мне кажется, её надо за это наказать.

- Я ваф… ваф звала!..

Жирный захлопал в ладоши от радости, разве что на месте не заскакал, и плюхнулся всей тушей на пол, на четвереньки, чтобы получше и во всех деталях разглядеть этот процесс. Своей толстой лапкой, всё ещё сильно пахнущей куриным жиром, он натянул торчащую из недр её тела цепочку, заставляя бедную девушку ощутить вожделенное облегчение, чтобы внутри неё стало хоть на капельку, на чуточку свободнее…

- Ва!.. Ва!.. Вофалуфта!.. Фытаффите её!

- Долго, нудно. – Сказал лысый с татуировками – и обрушил стопу на её живот.

Звук, который издала демонесса… описать нелегко. Громкое чавканье языка, вскрик, стон и гортанный хрип, переходящий в долгий, протяжный скулёж в конце, не считая естественных звуков изданных её телом - мокрым, каких-то хрустящих, рвущихся. Хотя она это и выдержала, не порвавшись, с брызгами околоплодных вод, с ощущением, как лопаются внутри неё защитные оболочки, из неё в один присест вылетела и пробка, и один из младенцев. К сожалению, такова уж особенность её расы – нежизнеспособных по умолчанию. Он влажным, скользким куском пролетел по полу, пока не остановился на натянутой пуповине. Второй же вылез только наполовину, оставшись торчать из её вывернутой наружу матки.

И слюни, и слёзы текли по её лицу, в то время как разум, совершив вираж под небеса – штопором вошёл в землю, разбиваясь на тысячи мелких осколков. Её всю трясло, а ноги бессильно пытались оттолкнуться от пола, со скрипом скользя розовыми пятками. Чуть менее розовыми, что торчали сейчас из неё. Человеческий младенец казался таким огромным на фоне её невеликого тела, и самой бы ей со всем этим ковыряться оказалось бы непросто.

- Эй, он застрял. Поможешь ей ещё раз?

Пока толстяк игрался со слабо шевелящимися пальчиками бездушного тела, худой присел перед ней на одной колено – и за ноги вытащил его наружу, откладывая в сторону и уже полностью погружая руку в тело бьющейся в агонии дамианки. Там он нащупал ещё одного…

ещё двух…

- Четверо. – Сказал он с кривой улыбкой на лице.

Сказал, да обхватил запястье той руки, что была уже была погружена в розовую мясистую трубку, торчащую из её промежности, ладонью второй. Оборачивая её вокруг, влажную и скользкую, направляя пальцами в сторону матки...

Девушке стало не по себе от понимания, что он затеял. Даже с раздробленным сознанием, её глаза в ужасе округлялись, становясь ещё больше, по мере того, как вторая рука так же скользила вверх, по его влажной от её соков коже, сперва заходя лишь кончиками пальцев под растянутое кольцо её кервикса, а потом… он всунул её полностью, погрузив в неё уже обе руки. И начал шарить в её матке, волнами ходя под её кожей, словно бы в холщовом мешке в поисках подарков.

С прижатыми к лицу ладонями, не дыша, она смотрела на то, как мужчина с упоением вытащил из неё сразу два плода одновременно. И она опять убедилась в том, что она - плохой человек. Вообще, она и не была никогда именно человеком, даже при жизни, но всё равно – плохой. Потому что в этот момент она кончила. Похотливая девка.

- Грязь… полные руки нечистой грязи…

Лысый поднял перед собой обе руки, в которых сжимал двух болтающихся младенцев. Чистеньких, покрытых лишь околоплодными водами, но, в отличие от первых двух, они имели синюшный оттенок кожи - они родились уже мёртвыми. Полностью мёртвыми, пока те двое, разбросанные на полу… вроде как, ещё шевелились, но функции их тел, лишённых душ, останавливались. Дамианцы не способны размножаться естественным путём – и с этим сделать уж ничего нельзя было.

Второй же мужчина не вдавался в это время во всякие философские мотивы. Он был более приближен к земле, к природе, к животному. По-звериному тяжело дыша, он подполз к девушке, поднял её за ногу и подтянул к себе, беря в ладонь её вывернутую матку, из которой всё ещё торчало четыре перекрученные пуповины – и плавно вошёл в неё толстым членом… ровно настолько, чтобы головка оказалась зажата в его же ладони – и начал секс. Или это лучше будет назвать мастурбацией?

И каким бы тяжёлым ни было её состояние, с губ её сорвались нежные стоны. Хотя и кожа его ладоней была сухая, из-за чего впитывала естественную смазку её слизистых тканей и чувствовалась шершавой и колючей, мозг её настолько был сломан, что ей даже это было приятно.

- Фам… лавится? - Девушка положила на лицо раскрытую ладонь, меж пальцев смотря на перекорёженную похотью морду перед собой. - Моя мафотька? Мяфкая… г-гояфяя…

Взгляд её "завалился" в сторону, на второго... и отдёрнулся. Она... предпочла выкинуть из головы то, чем он был занят. Он ничего не делал. Совсем. И вернулась к толстяку, обратив на него красное от стыда и боли лицо.

- Хофите... фобы я фнова от ваф...

Толстяк сопел. Член влажно хлюпал в её матке, среди белёсых, обвивающих его пуповин. Всё это было омерзительно, но омерзение шершавой бумагой тёрлось о душу, теребя её и делая особенно чувствительной.

- От фаф лодила?..

И улыбнулась. Улыбнулась, дёрнувшись бёдрами, когда в её растянутое после родов нутро снова влили поллитра семенной жидкости. Ей было страшно, но риск заводил - потому что даже сейчас, с четырьмя плацентами на стенках её матки, был небольшой процентик, маленькая вероятность того, что она могла забеременеть снова, прямо здесь и сейчас, чтобы всё... началось снова.

***

- Фы меня фсю… фсю изуововали…

Они стояли напротив девушки, сидящей на полу, на затоптанном грязными ногами коврике, и скалили зубы – их это нисколько не заботило, они были собой довольны. И особенно доволен был тощий. Подпирая спиной оклеенную дешёвыми бумажными обоями стену, он и сейчас вспоминал свои хирургические изыскания.

- А фот фы фот – ообфе вольфной уфлюфок! Тее йефиться нафо! Фы овафен фя оффеф-фа!

Что означало: "А вот ты вот - вообще больной ублюдок! Тебе лечиться надо! Ты опасен для общества!" Говорить с отсутствующими зубами было нелегко.

Наконец-то, своими трясущимися руками, она смогла застегнуть ремешок на сандалиях и, по шкафу, перебирая лапками, встала. Платье бы короткое, синяки и ушибы не закрывало, зато свободное, и растянутый живот под ним видно особо не было. Тут же, на стене, висело и зеркало, но смотреться в него не хотелось - она очень боялась того, что могла там увидеть. Её рога… её на зависть прекрасные рога, выдранные с корнем зубы… Не сильно взмахнув головой, чтобы не потерять равновесие и не упасть, она вернула волосам привычный цвет. А хвостики… пусть пока останутся. Они и правда милые, и с ними не так видно, что её волосы грязные и слипаются.

- Фо ы ме фкаывали?

- Особый сахар. С капелькой быстрого серебра. – Признался лысый, пока его товарищ пошёл рыться в комоде под вешалкой, на которой висели их чумазые от гари куртки.

Они вкалывали ей слабый раствор ртути с какими-то добавками. На глазах у неё опять появились слёзы, и девушка сунула руку под ошейник, осторожно прижимая ладонь к покрытой точками шее. Она одновременно и болела, и немела. Вот зачем им надо всё доводить до этого? К чему?

- Фы меня фють не уввили. Фам ифлофь вы флавить ф хьи аза ойсэ.

А вот тут она уже пыталась сказать, что: «Вы меня чуть не убили. Вам пришлось бы платить в три раза больше».

- Но не убили же? И вложились в обещанные триста тридцать.

Она оттопырила перед ними карман, позволяя положить в него кошелёк с монетами. Она как раз видела в продаже милые лакированные ботиночки ценою в триста золотых, а оставшаяся сумма должна была пойти на леденцы. К сожалению, теперь ей нужно было потратить большую часть этой суммы на то, чтобы привести в порядок свои рога. Возможно, полностью спилить расколотый, а потом ещё и шлифовать ступеньки на стыке старых и вновь отросших частей, чтобы не ждать кучу времени, пока оно само, временем бы обтёрлось.

Ладно! Одолжит у кого-нибудь. Или заработает, по-быстрому. Как-нибудь.

Главное, открыть эту дурацкую щеколду и уйти. А там - хоть на землю ложись и отдыхай. Просто отдыхай!..

Или... всё же, сначала зайти за ботиночками? А то вдруг их кто-нибудь уже купил? За те полторы недели, что она была... занята?

http://erolate.com/book/97/809